

из почты
редакции

ИСКУССТВО И ЗРИТЕЛЬ

ПРОБЛЕМЫ
СУЖДЕНИЯ
ОТКЛИКИ

Подснежники
польской певице

Долгая жизнь
актера

Мадонна из
Тамбова

Судьба орлиного
имени

музыка в моей жизни

ФОТОГРАФИИ ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА

У МОЕЙ мамы, артистки Ленинградского академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова, хранился старый альбом. Еще девочкой она собирала в него фотографии прославленных оперных певцов, выступавших на сцене бывшего Мариинского театра. Эти фотографии были сделаны на твердом картоне, а на их оборотной стороне изображены лиры, лавровые венки и медали, полученные фотографиями на выставках.

На последних страницах маминго альбома фотографии были не похожи на все остальные, они были сделаны на тонкой глянцевои бумаге, а вместо пышно одетых оперных персонажей с них смотрела молодая женщина со светлыми, совсем прозрачными глазами и удивительной красоты руками. Длинные тонкие пальцы напоминали изнеженные тропические цветы. На одной фотографии эти неправдоподобно прекрасные пальцы перебирали жемчужное ожерелье, на другой держали веер, на третьей гладили мех. Вместо венков и медалей на этих фотографиях стояла надпись: «Ева Бандровска-Турска. Варшава».

Известная польская певица перед войной приезжала

на гастроли в Ленинград. С огромным успехом проходили ее концерты в Ленинградской филармонии, она принимала также участие в нескольких оперных спектаклях Театра им. Кирова, где мама познакомилась с ней и получила в подарок эти фотографии.

В начале Великой Отечественной войны театр был эвакуирован на Урал. Много вещей нельзя было брать с собой, только самое необходимое. Перед отъездом мама долго перелистывала свой альбом, вынула из него фотографии певицы и положила их вместе с нашими документами и несколькими семейными снимками, которые мы брали с собой.

За год до окончания войны мы вернулись домой в Ленинград. Вскоре в театр пришло известие из Варшавы — Ева Бандровска-Турска жива! Все время оккупации фашистами Польши она работала официанткой и судомойкой в кафе. Немцы предлага-

ли ей великолепные условия, возможность концерттировать по Европе, но она отказалась от всех предложений, сославшись на то, что у нее пропал голос...

А поздними вечерами, когда кафе закрывалось для обычных посетителей, туда приходили поляки, и она пела им на родном языке. Деньги, полученные за эти необычные концерты, певица передавала польским антифашистам.

Прошел год после окончания войны. Еще не все дома в Ленинграде были восстановлены, а в окнах первых этажей, заложенных кирпичом, зияли амбразуры. Но с каждым днем город возрождался и становился все прекраснее. В эти весенние дни на улицах появились афиши — большими синими и красными буквами в них сообщалось, что в Большом зале Ленинградской филармонии состоятся концерты польской певицы Евы Бандровской-Турской.

Наступил вечер первого концерта. Уже от угла Невского проспекта желающие попасть в филармонию оставались нас в надежде купить лишний билет... Белые юланны зала, алый бархат кресел, сверкающие люстры — все было необыкновенно красиво и торжественно в этот вечер. Громкими аплодисментами встретил зал Еву Бандровску-Турску.

Постепенно зал успокоился, аплодисменты стихли, и зазвучал ее голос... Помимо высокого мастерства, красоты и теплоты тембра голоса, в Бандровской-Турской было то, что отличало ее исполнение от многих других певцов, — одухотворенность и необыкновенное проникновение в замысел автора. В первом отделении прозвучали арии из опер русских и западноевропейских композиторов, романсы.

Ей подарили много цветов, среди нарциссов и тюльпанов были маленькие букетики голубых подснежников-пе-

релесок, которые продавались в ту весну на Невском. Когда антракт кончился и певица снова вышла на эстраду, к ее платью были приколоты эти цветы.

Когда вся программа была окончена и прозвучали прощальные, исполненные на бис, Ева Бандровска-Турска вышла поклониться в последний раз, но публика не расходилась. Аккомпаниатор взял несколько аккордов... Все как бы вздохнуло одним дыханием — зазвучал вальс композитора Ружицкого... Была война, непомерная тяжесть блокадных дней, но все это время в сердцах людей было живо искусство певицы, память о ее довоенных концертах и этот вальс, которым она всегда их заканчивала.

После концертов Евы Бандровской-Турской в Ленинграде в маминго альбоме появилась еще одна фотография, на которой стоит дата: «5 мая. 1946 год». Я очень берегу эти фотографии, с ними связана память о тяжелых днях войны, о вдохновенном искусстве героической польской женщины и выдающейся певицы Евы Бандровской-Турской.

Е. ЛЫЖИНА.

ЛЕНИНГРАД.